

В ЛАБОРАТОРИИ УЧЕНОГО

Э. В. Будаев, А. П. Чудинов

ДИСКУРСИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ МЕДИАЛИНГВИСТИКЕ

В последние годы лингвистическое исследование медиакommunikации превратилось в одно из наиболее перспективных направлений развития гуманитарного знания, что непосредственно связано с возрастанием роли СМИ на современном этапе развития цивилизации. В современной зарубежной медиалингвистике¹ наибольшее признание получили три направления в исследовании коммуникации — риторическое, когнитивное и дискурсивное².

Первое из указанных направлений развивает традиционные (восходящие еще к античности) представления о риторике в ее приложении к медиакommunikации. В этом случае внимание исследователя преимущественно сосредоточено на изучении способов «украшения» медиатекста при помощи разнообразных языковых средств (метафора, антитеза, эпитет, инверсия, сравнение, парцелляция и др.), способствующих успешности воздействия на адресата. В американской и западноевропейской лингвистике это направление обычно называют риторическим, однако в соответствии с российскими традициями оно воспринимается как относящееся преимущественно к семантике и стилистике.

В основе второго направления лежит когнитивный подход, в соответствии с которым внимание специалистов сосредоточено на исследовании ментальных фе-

БУДАЕВ ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ — кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры иностранных языков Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

ЧУДИНОВ АНАТОЛИЙ ПРОКОПЬЕВИЧ — доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Уральского государственного педагогического университета.

© Будаев Э. В., Чудинов А. П., 2006

номенов, которые репрезентированы в медиатекстах. При таком подходе тексты и их отдельные компоненты рассматриваются преимущественно с точки зрения того, как в них отражается мышление автора, и как они воздействуют на сознание адресата. В частности, метафора понимается не столько как украшение мысли, сколько как особая форма мышления, особенно эффективная в условиях восприятия каких-то сложных реалий, стремления по-новому взглянуть на что-то, казалось бы, хорошо известное, преобразовать свойственную адресату картину мира, оказать эмоциональное воздействие. Ведущая роль в становлении этого направления принадлежит Марку Джонсону и Джорджу Лакоффу, однако они создавали свою теорию отнюдь не на пустом месте, поскольку когнитивный подход к изучению коммуникации возник значительно раньше.

Третье направление в исследовании политической медиакоммуникации определяется как дискурсивное. По классическому определению Н. Д. Арутюновой, дискурс — это текст, погруженный в жизнь. Поэтому при дискурсивном подходе в центре внимания авторов находятся взаимосвязи данного текста с другими публикациями, зависимость данного текста от социальной ситуации в стране и его влияние на жизнь общества, взаимосвязь текста с политическими убеждениями и личностью автора. Например, используемые в тексте метафоры рассматриваются с точки зрения их частотности, эффективности, интертекстуальности и способности выразить подлинное отношение автора к той или иной проблеме.

Значительное количество европейских и американских исследований выполнено в рамках критического анализа дискурса. В этом случае тщательно изучаются те средства, которые социальная власть (проводниками которой сознательно или бессознательно служат журналисты) использует для осуществления своего господства в обществе, для обоснования и осуществления социального неравенства и обмана граждан. Соответственно задача исследователя состоит в том, чтобы вскрыть ускользающие от обычных граждан способы дезинформации и манипуляции, показать, каким образом в тексте проявляется истинное отношение автора к той или иной проблеме. В заключительной части подобных публикаций нередко содержатся призывы к толерантности и политической корректности.

К дискурсивной парадигме относятся также исследования, выполненные с использованием контент-анализа дискурса, сторонники которого стремятся занимать более объективистскую позицию при изучении политической медиакоммуникации, не высказывая прямо своих личных симпатий и антипатий и опираясь на исследования строго определенного корпуса текстов СМИ по точно определенным правилам. Авторы подобных исследований считают, что «статистика говорит сама за себя» и позволяет обнаруживать закономерности, ускользающие от внимания специалистов, использующих иные методики.

Наконец, в целом ряде случаев в одном и том же исследовании наблюдается совмещение названных методик или же их использование вместе с методиками, характерными для смежных наук (социологии, психологии, политологии, культурологии и др.).

Обратимся к более детальному рассмотрению специфики дискурсивного на-

правления в его двух основных вариантах — критическом дискурс-анализе и контент-анализе.

Критический анализ дискурса. Теоретические основы критического анализа дискурса ведут свою родословную от марксизма, переосмысленного и видоизмененного теоретиками франкфуртской школы и другими сторонниками критического анализа общества (Т. Адорно, В. Беньямин, П. Бурдьё, Г. Маркузе, Ю. Хабермас, С. Холл, М. Хоркхаймер), «критической лингвистики» (Дж. Кресс, Р. Фаулер, Б. Ходж) и системно-функциональной лингвистики М. Халлидея.

При всем многообразии современных вариантов критического анализа дискурса все они методологически восходят к трем основным школам:

— когнитивный анализ дискурса Т. ван Дейка;

— дискурс-анализ Н. Фэрклоу;

— немецкая школа критического анализа дискурса (З. Егер, У. Маас, Ю. Линк), особое место в которой занимает социолингвистический дискурс-анализ Р. Водак и ее коллег по венской школе дискурс-анализа (Г. Вайс, Х. Людвиг, П. Новак, Й. Пеликан, М. Седлак).

В зависимости от исследовательских традиций в понимании дискурс-анализа ученые указывают на различные элементы экстралингвистической действительности, обладающие дискурсообразующим характером. Так, отправной точкой в разработке принципов дискурс-анализа по Т. ван Дейку стало положение о том, что «пренебрежение социально-когнитивными факторами представляется одним из главных теоретических недостатков большинства работ в русле критической лингвистики и дискурс-анализа»³. В концепции Т. ван Дейка акцент ставится на моделировании когнитивных структур в общественном сознании посредством анализа дискурса СМИ, направленного на легитимизацию социального неравенства⁴.

Другой вариант критического дискурс-анализа предложен британским ученым Н. Фэрклоу⁵. Характерными чертами его подхода являются привнесение в дискурс-анализ эвристик анализа интертекстуальности и пристальное внимание к вопросу о различиях в восприятии одного и того же коммуникативного события разными аудиториями. В отличие от критического дискурс-анализа по Т. ван Дейку, последователи Н. Фэрклоу обычно отказываются от использования когнитивной методологии, связывая свою позицию с тезисом о принципиальной невозможности проникнуть в «черный ящик» сознания. В концепции Н. Фэрклоу язык и семиозис рассматриваются в первую очередь как социальные, а не когнитивные феномены, а основной задачей исследования становится анализ социальных последствий (*social effects*) определенного дискурса (дискурса глобализации, дискурса «нового капитализма», дискурса «нового либерализма» и др.).

В немецкоязычной Европе наибольшее распространение получил критический дискурс-анализ по Р. Водак⁶. Анализ дискурса антисемитизма привел Р. Водак к разработке подхода, определяемого ею как социоисторический метод в дискурсе. С помощью этого метода предпринимаются попытки «систематически интегрировать всю доступную фоновую информацию в анализе и интерпретации всех уровней письменного или устного текста»⁷. Согласно теории Р. Водак, язык

не только отображает социальные процессы и социальное взаимодействие, но и конституирует их. Дискурс всегда историчен, т. е. он всегда синхронически и диахронически связан с коммуникативными событиями, происходящими в настоящий момент или происходившими прежде. Фокусировка внимания на социоисторическом контексте дискурса в процессе объяснения и интерпретации — особенность, отличающая этот подход от дискурс-анализа по Т. ван Дейку и сближающая его с идеями об интертекстуальности в дискурс-анализе Н. Фэрклоу. Вместе с тем Р. Водак указывает на отсутствие перспектив у критического дискурс-анализа, используемого в отрыве от когнитивной методологии⁸.

Современный критический анализ политического медиадискурса направлен на изучение способов воспроизводства социального, гендерного, расового или этнического неравенства. Примером такого исследования может служить публикация Е. Эль Рефайе⁹, посвященная изучению метафорического представления курдов-иммигрантов, ищущих убежища в Европе. Исследуя осмысление иммиграции в австрийских газетах 1998 года (в этот период иммиграция значительно усилилась), Е. Эль Рефайе выявляет, что доминантные метафоры изображают курдов как нахлынувшую водную стихию, как преступников, как армию вторжения. Регулярная апелляция к этим образам во всех исследованных газетах представляется показателем того, что дискриминационные метафоры стали восприниматься как естественный способ описания ситуации.

Схожие результаты получают исследователи из США, где традиционно остро стоит проблема иммиграции из Латинской Америки. Например, в монографии О. Санта Анны¹⁰ рассматривается метафорическое представление иммиграции из Латинской Америки по материалам калифорнийской газеты «The Los Angeles Times». Как показывает автор, все выявленные метафорические образы привносятся в осмысление «чужаков» негативные смыслы: иммиграция воспринимается как пожар, наводнение, враждебная армия, болезнь, животные и др.

Помимо внутривнутриполитических проблем (гендерное, этническое, социальное неравенство) объектом критического исследования становятся международные отношения. На фоне европейских интеграционных процессов современные лингвисты критического направления уделяют много внимания исследованию «неравенства между государствами», которые являются членами Евросоюза и других европейских организаций и декларативно обладают равными правами¹¹. Комплексное сопоставительное исследование европейского политического медиадискурса на материале 15 консервативных и либеральных газет из 8 европейских стран провели Р. Водак и ее коллеги¹². Исследователи анализировали представление Брюссельской межправительственной конференции 2003 года, которая была посвящена проекту европейской конституции. По общему мнению, конференция закончилась неудачно, но в каждой стране было свое видение того, какие политики и какие государства несут ответственность за эту неудачу.

Близкие к критическому дискурс-анализу установки прослеживаются в исследованиях, проводимых американскими лингвистами в рамках «риторической критики» (*rhetorical criticism*)¹³, а также в «критических» публикациях

Й. Гальтунга¹⁴, Дж. Лакоффа¹⁵, Д. МакКвейла¹⁶, К. Норденстренга¹⁷ и других исследователей.

Контент-анализ дискурса. В отличие от критического дискурс-анализа при контент-анализе превалирует стремление описать и объяснить феномены, избегая при этом собственной (особенно связанной с политическими убеждениями) оценки, что, конечно, связано не с отсутствием гражданской позиции, а с представлениями о критериях научной объективности исследования. В подобных исследованиях разграничивается качественный и количественный анализ. В первом случае исследователь выявляет общие закономерности медиакommunikации без их точного количественного описания. Количественный анализ характеризуется большим объемом выборки и интерпретацией статистических закономерностей.

Становление и развитие метода контент-анализа связано с работами Г. Ласвелла и его коллег¹⁸. Знаменательным исследованием, выполненным в рамках контент-анализа, стала работа Х. де Ландтсхеер¹⁹, в которой на примере анализа голландских СМИ было доказано, что в периоды политических и экономических кризисов значительно возрастает количество политических метафор. В очередном исследовании Х. де Ландтсхеер и Д. Фертессен²⁰, сопоставив метафорику предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами в бельгийских СМИ, обнаружили, что показатель метафорического индекса увеличивается в предвыборный период. Подобные факты, по мысли авторов, еще раз подтверждают тезис о важной роли метафоры как средства воздействия на процесс принятия решений и инструмента преодоления проблемных ситуаций.

К заметным исследованиям последних лет, выполненным в рамках контент-анализа, относится публикация О. Байшы и К. Халлахана²¹. Предметом изучения стал корпус, состоящий из 829 медиатекстов, посвященных украинским политическим событиям 2000–2001 годов. Указывая на значительные идеологические разногласия в украинских СМИ, авторы выделяют два общих способа воздействия на массовое сознание: открытая пропаганда и скрытая манипуляция. Доминирующее место в реализации обоих способов в политическом дискурсе отводится метафоре.

Дж. Мермин провел контент-анализ текстов медиадискурса США, темами которых были военные операции в Гренаде, Панаме и Ливии. Исследователь показал корреляции между динамикой количества критических мнений по поводу военных операций в СМИ и ужесточением / ослаблением официальной цензуры²².

Колоссальный комплекс текстов, относящихся к избирательным кампаниям в США и многих других странах, тщательно обработан в исследованиях В. Бенуа и его коллег²³. Используя контент-анализ, В. Бенуа детально анализирует коммуникативные тактики восхваления, нападения и защиты, которые используются различными кандидатами. Совокупный эффект множества сообщений, воспринятых избирателем из средств массовой информации и реализующих три обозначенные функции, под влиянием личных мнений и ценностей избирателей должен, в конечном счете, определить их электоральное решение.

Использование дискурсивного анализа в сочетании с другими методами.

Во многих современных исследованиях дискурсивный анализ текстов СМИ дополняется методами, характерными для других научных направлений.

Наиболее часто методы исследования дискурса СМИ совмещаются с когнитивной методологией. Такой подход представлен, в частности, в работах А. Абрантес²⁴, Х. Бэртша²⁵, В. Кеннеди²⁶, Л. Морено²⁷, А. Мусолффа²⁸, Дж. Ри²⁹, Е. Семино³⁰, К. Сколари³¹, Дж. Торнборроу³², Й. Цинкена³³, Н. Чабан³⁴, К. Шеффнер³⁵ и других лингвистов³⁶.

В исследованиях СМИ, проведенных В. Коллер, проводится последовательная попытка объединить эвристики теории концептуальной метафоры и критического дискурс-анализа в сочетании с использованием достижений системной функциональной лингвистики и корпусной лингвистики³⁷.

По мнению В. Мотгьер, адекватный анализ проблемы взаимодействия дискурса и властных отношений необходимо основывать на синтезе герменевтического подхода с эвристиками дискурсивного анализа М. Фуко, что позволит преодолеть крайности слишком широкого деконструктивизма и слишком узкого когнитивизма³⁸.

В работах ряда немецких лингвистов дискурс-анализ сочетается с положениями «социального конструкционизма»³⁹. В частности, метафора с таких позиций рассматривается не столько как когнитивный, сколько как социальный феномен, оказывающий значительное влияние на «конструирование социальной реальности». Сам дискурс порождает метафоры, а метафоры рассматриваются как «агенты дискурса» (другими словами, индивидуально-когнитивным особенностям участников политической коммуникации отводится малозначительная роль).

Еще одно направление представлено исследованиями в русле постмодернистской теории дискурса Э. Лакло. Теория постулирует всеобщую метафоричность всякой сигнификации, а все «пустые означающие» (*empty signifiers*) дискурса конститутивно метафоричны, причем метафоричность проявляется в различной степени⁴⁰. При таком подходе стирается граница между метафоричностью и «буквальностью», а при анализе дискурса можно говорить только о степени метафоричности «пустых означающих»⁴¹. При более широком рассмотрении этот подход включается в постмарксистскую теорию дискурса⁴².

Другим направлением дискурсивного исследования медиадискурса является социологический анализ. В данном случае получение научного знания основывается не столько на анализе собственно лингвистических явлений, сколько на аналитических размышлениях исследователя. Подобное исследование на примере бразильского политического медиадискурса провела Л. Канедо, показав, что, несмотря на функционирование в Бразилии демократических институтов, понятие «передача власти» находится в тесной связи с традиционной бразильской метафорой политики как семьи⁴³.

Таким образом, указание на социально-политические и историко-культурологические факторы действительности не исчерпывает потенциального многообразия экстралингвистической каузации порождения и функционирования медиатекста. При его исследовании необходимо учитывать все присутствующие в созна-

нии говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи. В последнее время многие европейские лингвисты все чаще в разработке принципов дискурс-анализа занимают позиции, близкие к разрабатываемой в отечественной лингвистике когнитивно-дискурсивной парадигме⁴⁴.

Представленный обзор свидетельствует о том, что дискурсивное направление занимает важное место в современных исследованиях медиакоммуникации. Указанное направление существует в настоящее время в двух основных вариантах: критический анализ дискурса и дискурсивный контент-анализ. Важно учитывать, что современная теория политической медиакоммуникации характеризуется переплетением и филиацией идей, кристаллизация которых проходила под влиянием различных научных школ, а поэтому во многих исследованиях наблюдается совмещение дискурсивного анализа с иными методиками.

¹ Термин *медиалингвистика* (*Medienlinguistik*) получил распространение в немецкоязычной лингвистике. В англоязычном научном дискурсе обычно предпочитают говорить об «анализе медиадискурса» (*media discourse analysis*). В русскоязычных публикациях используются оба указанных термина, а также обозначение *изучение языка СМИ*.

² Анализ современных исследований в этих направлениях представлен в следующих отечественных публикациях: Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006; Гаврилова М. В. Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике. СПб., 2002; Скребцова Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики. СПб., 2000; Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М., 2006; и др.

³ Dijk T. A. van. Principles of Critical Discourse Analysis // *Discourse and Society*. 1993. Vol. 4. Nr 2.

⁴ См.: Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989; Dijk T. A. van. Elite Discourse and Racism. Newbury Park, 1993; Dijk T. A. van. Ideology: A multidisciplinary approach. L., 1998; Dijk T. A. van. Racism and the Press. L., 1991.

⁵ См.: Fairclough N. Media Discourse. L., 1995; Fairclough N. Critical discourse analysis. The critical study of language. L., 1995; Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge, 1992; Fairclough N. New Labour, New Language. L., 2000.

⁶ Теория и практика этого направления представлена в следующих публикациях: Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997; The Semiotics of Racism Approaches in Critical Discourse Analysis. Vienna, 2000; Wodak R. The Disorders of Discourse. L., 1996; Wodak R., Reisigl M. Discourse and Discrimination. Rhetorics of Racism and Antisemitism. L., 2001.

⁷ Wodak R. Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis // *Handbook of Pragmatics*. Amsterdam; Philadelphia, 1995. P. 209.

⁸ См.: Водак Р. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу // Изв. УрГПУ. Лингвистика. 2006. Вып. 19.

⁹ См.: El Refaie E. Metaphors we discriminate by: Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers // *J. of Sociolinguistics*. 2001. Vol. 5. Nr 3.

¹⁰ См.: Santa Anna O. Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse. Austin, 2002.

¹¹ См.: Kelly-Holmes H., O'Regan V. «The spoilt children of Europe». German press coverage of the Nice Treaty referenda in Ireland // *J. of Language and Politics*. 2004. Vol. 3. Nr 1.

¹² См.: Oberhuber F., Bärenreuter C., Krzyzanowski M., Schönbauer H., Wodak R. Debating the European Constitution: On representations of Europe/the EU in the press // *J. of Language and Politics*. 2005. Vol. 4 (2).

¹³ См.: Critical Questions: Invention, Creativity, and the Criticism of Discourse and Media. N. Y., 1994; *Ivie R. L.* The Social Relevance of Rhetorical Scholarship // The Quarterly J. of Speech. 1995. Vol. 81; *Ivie R. L.* Scrutinizing Performances of Rhetorical Criticism // The Quarterly J. of Speech. 1994. Vol. 80; Rhetorical Criticism: Exploration and Practice. Prospect Heights, 1989; *Spivak G. C.* The Post-Colonial Critic: Interviews, Strategies, Dialogues. N. Y., 1990.

¹⁴ См.: *Galtung J.* Prospects for media monitoring: much overdue, but never too late // International Media Monitoring / Ed. by K. Nordenstreng, M. Griffin. Cresskill, 1999.

¹⁵ См.: *Lakoff G.* Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf [Электрон. ресурс]. Режим доступа: metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm; *Lakoff G.* Metaphors of Terror [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.press.uchicago.edu/News/911lakoff.html; *Lakoff G.* Don't Think of an Elephant: Know Your Values and Frame the Debate. The Essential Guide for Progressives. White River Junction, 2004.

¹⁶ См.: *McQuail D.* On Evaluating Media Performance in the Public Interest: Past and Future of a Research Tradition // International Media Monitoring / Ed. by K. Nordenstreng, M. Griffin.

¹⁷ См.: *Nordenstreng K.* Something to Be Done: Transnational Media Monitoring // Transnational Broadcasting Studies. 2001. Nr 6.

¹⁸ См.: *Lasswell H.* Style in the language of politics // Language of Politics: Studies in Quantitative semantics. N. Y., 1949; *Lasswell H., Jakobson S.* May Day Slogans in Soviet Russia, 1918–1943 // Language of Politics: Studies in Quantitative semantics. N. Y., 1949; *Leites N.* The Third International on its Change of Policy // Language of Politics: Studies in Quantitative semantics. N. Y., 1949.

¹⁹ См.: *Landsheer Ch. de.* Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communicatuon and Cognition. 1991. Vol. 24. Nr 3/4.

²⁰ См.: *Vertessen D., Landsheer C. de.* Metaphorical Election Style? Patterns of Symbolic Language in Belgian Politics [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.essex.ac.uk/ecpr/events/oointsessions/paperarchive/granada/ws14/Vertessen.pdf.

²¹ См.: *Baysha O., Hallahan K.* Media framing of the Ukrainian political crisis, 2000–2001 // Journalism Studies. 2004. Vol. 5. Nr 2.

²² См.: *Mermin J.* Debating War and Peace. Media Coverage of U. S. Intervention in the Post-Vietnam Era. Princeton, 1999.

²³ См.: *Benoit W. L.* Accounts, excuses, apologies: A theory of image restoration strategies. Albany, 1995; *Benoit W. L., Pier P. M., Brazeal L. M., McHale J. P., Klyukovski A., Airne D.* The primary decision: A functional analysis of debates in presidential primaries. Westport, 2002; *Benoit W. L., McHale J. P., Hansen G. J., Pier P. M., McGuire J. P.* Campaign 2000: A functional analysis of presidential campaign discourse. Lanham, 2003; *Lee C., Benoit W. L.* A functional analysis of presidential television spots: A comparison of Korean and American ads // Communication Quarterly. 2004. Vol. 52.

²⁴ См.: *Abrantes A. M.* As Dimensões Semântica e Pragmática do Eufemismo na Imprensa. Uma abordagem cognitiva. Lisboa, 2001.

²⁵ См.: *Bärtsch Ch.* Metaphernkonzepte in Presstexten. Das Verhältnis der Schweiz zu Europa und zur Europäischen Union. Zürich, 2004.

²⁶ См.: *Kennedy V.* Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo // Metaphor and Symbol. 2000. Vol. 15. Nr 4.

²⁷ См.: *Moreno L.* La metáfora conceptual y el lengua político periodístico: configuración, interacciones y niveles de descripción. Logrono, 2004.

²⁸ См.: *Musolff A.* Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. Basingstoke, 2004; *Musolff A.* Metaphor Scenarios in Public Discourse // Metaphor and Symbol. 2006. Vol. 21. Nr 1; *Musolff A.* Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany. Munich, 2000.

²⁹ См.: *Rhee J. W.* Strategy and issue frames in election campaign coverage: A social cognitive account of framing effects // J. of Communication. 1997. Vol. 47.

³⁰ См.: *Semino E.* A sturdy baby or a derailing train? Metaphorical representations of the euro in British and Italian newspapers // Text. 2002. Vol. 22. Nr 1.

³¹ См.: *Scolari C.* La zona roja: Invasión, espacio y conflicto durante el vértice del G8 en Génova // *Sphera Pública*. 2003. Nr 3.

³² См.: *Thornborrow J.* Metaphors of security: A comparison of representations in defence discourse in post-cold-war France and Britain // *Discourse and Society*. 1993. Vol. 4. Nr 1.

³³ См.: *Zinken J.* Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition: Dissertation zur Erlangung der Wurde eines Doktors im Fach Linguistik. Bielefeld, 2002; *Zinken J.* Metaphoric Practices in the German Wende Discourse // *J. of Multilingual and Multicultural Development*. 2004. Vol. 25. Nr 5/6.

³⁴ См.: *Chaban N.* Seeing Ukraine Through Others' Eyes: Cognitive Approach to National Identity Studies // *The J. of Eurasian Research*. 2004. Vol. 2. Nr 1.

³⁵ См.: *Schäffner Ch.* Building a European House? Or at Two Speeds into a Dead End? Metaphors in the Debate on the United Europe // *Conceiving of Europe — Unity in Diversity* / Ed. by A. Musolff, Ch. Schäffner, M. Townson. Aldershot, 1996; *Schäffner Ch.* Die europäische Architektur – Metaphern der Einigung Europas in der deutschen, britischen und amerikanischen Presse // *Inszenierte Kommunikation* / A. Grewenig (Hg.). Opladen, 1993.

³⁶ Количество когнитивных исследований медиадискурса очень велико. Детальная количественная характеристика современных исследований дискурса СМИ на примере исследований по метафорике представлена: *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006

³⁷ См.: *Koller V.* A Shotgun Wedding: Co-occurrence of War and Marriage Metaphors in Mergers and Acquisitions Discourse // *Metaphor and Symbol*. 2002. Vol. 17. Nr 3; *Koller V.* Metaphor and Gender in Business Media Discourse. A Critical Cognitive Study. Lancaster, 2004; *Koller V.* Businesswomen and war metaphors: 'Possessive, jealous and pugnacious'? // *J. of Sociolinguistics*. 2004. Vol. 8. Nr 1.

³⁸ См.: *Mottier V.* Meaning, Identity, Power: Metaphors, Mini-Narratives and Foucauldian Discourse-Theory [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paper/archive/granada/ws14/Mottier.pdf.

³⁹ См.: *Hülse R.* Sprache ist mehr als Argumentation. Zur wirklichkeitskonstituierenden Rolle von Metaphern // *Zeitschrift für internationale Beziehungen*. 2003. Vol. 10. Nr 2; *Walter J., Helmig J.* Metaphors as Agents of Signification. Towards a Discursive Analyses of metaphors [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Helmig.pdf

⁴⁰ См.: *Laclau E.* Why do empty signifiers matter to politics? // *The lesser evil and the greater good: The theory and politics of social diversity*. L., 1994.

⁴¹ См.: *Hansen A. D.* Politics and metaphor – a discourse theoretical analyses [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Hansen.pdf

⁴² См.: *Howarth D., Griggs S.* Metaphor, Catachresis and Equivalence: The Rhetoric of Freedom to Fly in the Struggle over Aviation Policy in the United Kingdom [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Howarth.pdf.

⁴³ См.: *Canêdo L.B.* As metáforas da família na transmissão do poder político: questões de método // *Cadernos Cedes*. 1997. Vol. 18. Nr 42.

⁴⁴ См.: *Chilton P.* Missing Links in Mainstream CDA: Modules, Blends and the Critical Instinct // *A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis. Theory, Methodology and Interdisciplinarity*. Amsterdam, 2005; *Musolff A.* Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. Basingstoke, 2004; *Yule G.* Pragmatics. Oxford, 2000; *Zinken J.* Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition: Dissertation zur Erlangung der Wurde eines Doktors im Fach Linguistik. Bielefeld, 2002.